

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК МЕЖДУНАРОДНОГО НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО АКТА

В связи с пристальным вниманием международных организаций к текущей ситуации и происходящим переменам в нашем государстве вопрос толкования правовых норм приобретает свою актуальную значимость.

Изучением вопросов взаимодействия языка и права, лингвистической экспертизы текстов; толкования текста нормативных актов в последнее время занимаются и юристы, и лингвисты. Проблемы интерпретации различных типов текста активно изучаются прежде всего в рамках общей лингвистики (или теории) текста, а также более узкого направления, — интерпретации текста.

Основные задачи и принципы интерпретационной деятельности сформулированы в фундаментальных трудах В. А. Кухаренко [8], К. А. Долинина [5], Н. С. Валгиной [3]. В целом ряде работ поднимаются вопросы кодификации и интерпретации конкретных типов текста, в частности научных и художественных [7; 10].

Вместе с тем следует отметить, что в центре внимания большинства исследователей всё же остаются вопросы интерпретации художественных текстов. Что касается официально-деловых текстов, то достаточно подробно описаны лишь их общие признаки [3; 6].

В западноевропейской и американской литературе лингвистический аспект права представлен широко и разнообразно, особенно активно разрабатываются вопросы интерпретации, аргументации, лингвистической экспертизы. Полное представление о данном аспекте дает научно-аналитический обзор «Юридические понятия и язык права», составитель С. В. Лёзов.

Одной из основных проблем юридической лингвистики является толкование понятий. Со времен римского права договор должен «быть определенным по содержанию, в том числе определенным относительно действий или вещей. Эти действия или вещи должны не подразумеваться, но возможно точно определяться...» [11, 74].

Положение о том, что «право может и должно быть определенным» [1], отражает ту задачу, которую призваны, на наш взгляд, решать информационно-интерпретационные блоки в международных нормативно-правовых актах (МНПА), а именно, сделать юридический текст точным по своему содержанию и одновременно понятным.

Специфика МНПА заключается в наличии обширных интерпретационных блоков, что позволяет автору ещё на этапе порождения текста снять нежелательную двусмысленность и неопределенность представленной информации, до предела конкретизируя содержательно-фактуальную составляющую МНПА.

Интерпретация текста, его толкование, следует понимать и как когнитивный процесс и как конечный результат целого ряда речемыслительных опера-

цій. Толкование может носить как внутритекстовой, так и внетекстовой характер.

В первом случае речь идет о толковании терминов и отдельных высказываний юридического документа, которые представлены непосредственно в самом тексте документа, являются его неотъемлемой частью. Такое внутритекстовое толкование фактически является адресантным. Во втором случае имеется в виду фиксация толкования во вторичных документах, — судебных постановлениях, комментариях и т.д. Ещё раз подчеркнем, что в МНПА первичное внутритекстовое, или адресантное, толкование играет чрезвычайно важную роль, до минимума сокращая возможности толкования его адресатом, потребителем первичной информации и исполнителем соответствующих предписаний. Толкование в процессе изложения регулятивных норм позволяет сразу же отсеять все дополнительные, аддитивные смыслы, сосредоточившись на исходной трактовке предложенных норм и положений. Таким образом, в МНПА невозможно отделить собственно фактуальную часть от интерпретационной, которая пронизывает весь текстовый массив. Интерпретационные части либо перемежаются с фактуальными, либо представлены в тесном переплетении, образуя целые контаминированные блоки, а в некоторых случаях интерпретационная информация одновременно является и фактуальной, как это наблюдается, например, в целом ряде протокольных МНПА [14]. Такое же наложение двух видов информации, а точнее её существование одновременно в двух ипостасях — фактуальной и интерпретационной, позволяет говорить о едином информационно-интерпретационном пространстве МНПА, в котором можно выделить информационно-интерпретационные поля (ИИП) адресанта и адресата, которые находятся в тесном взаимодействии и оказывают влияние друг на друга (ИИПа1 и ИИПа2).

Из сказанного вовсе не следует, что в других текстах информационно-интерпретационное пространство не существует. Просто в иных типах текста интерпретационная составляющая (интерпретационный потенциал) не занимает столь значимое место и не получает столь четкой вербальной экспликации, как в текстах НПА. Эта особая роль интерпретационной компоненты, — интерпретационного потенциала, является одним из важнейших дифференциальных признаков данного типа текстов.

Как ранее отмечалось, специфика НПА, в том числе и МНПА, заключается в том, что приемы и правила изложения включают не только и не столько правила и приемы изложения содержания, но и первичного, т.е. авторского толкования, которое получает отражение на бумаге наряду с фиксацией регулятивных норм.

Поскольку в информационно-интерпретационном поле адресанта (ИИПа1) интерпретационная составляющая имеет гораздо большее значение, чем, например, в художественном тексте, остановимся на особенностях авторской (адресантной) составляющей подробнее.

Различные виды МНПА уже не раз обсуждались. Обычно внимание на их различиях не заостряется: «Статус международного договора не зависит от его

конкретного наименования: соглашение, конвенция, устав международной организации, протокол. Для определения того, является ли документ договором, необходимо проанализировать его содержание, т.е. выяснить, имели ли стороны намерение взять на себя международно-правовые обязательства» [12, 88]. Хотя юристы достаточно свободно оперируют такими названиями, как *convention*, *pact* и т.д., тем не менее, у каждого документа существуют определенные дифференциальные признаки. В частности, это касается и различий в объеме, и значении собственно интерпретационных разделов в этих документах.

Так, *Protocol* — это документ, который обычно используется для внесения поправок к договорам, конвенциям. В этом смысле он представляет собой НПА, где дается интерпретация и оговорки к указанным документам. Иными словами, протокол это по сути дела целиком интерпретационный документ. Именно толкование уже имеющихся норм и положений, уточнение сферы их применения, конкретизация юридических терминов составляет его основную прагматическую задачу:

Protocol n 2. An international agreement of a less formal nature than a treaty. It is often used to amend treaties. It may also be an instrument subsidiary or ancillary to a convention, in which case it may deal with points of interpretation and reservations [13, 367].

В других МНПА соотношение между регулятивными и интерпретационными частями более сбалансировано, хотя в некоторых конвенциях, пактах, заключительных актах собственно интерпретационные блоки могут занимать до 50% всего текстового массива.

Как уже неоднократно отмечалось, в МНПА имеются целые разделы или блоки, основной прагматической задачей которых является экспликация и интерпретация терминов конкретных положений (пропозиций) документа. Сюда прежде всего относятся разделы, называемые «*Interpretation of Functions*», «*Interpretation of Forms*» и проч., а также специальные дефиниционные статьи и целые разделы (*Definitions*), в которых разъясняются различные термины и терминологические словосочетания.

Подобные интерпретационные блоки и дефиниционные статьи представляют собой комплексные содержательно-логические макроориентиры декодирования, которые играют особую роль для конечного (адресатного) толкования терминов и нормативных положений. Их основная прагматическая функция — максимально сблизить, а в какой-то мере и совместить когнитивные поля и концептуальные системы отправителя и реципиента, добиваясь предельной адекватности в адресантно-адресатной трактовке предложенных пропозиций и отдельных терминов. Это действенные логико-вербальные средства создания эффекта интерактивности, без которой, как мы уже отмечали, трудно достичь эквивалентности исходных и принимаемых информационных сигналов.

Наши наблюдения показали, что жесткой схемы репрезентации внутритекстового толкования, т.е. интерпретационных и дефиниционных статей и частей, не существует. Интерпретационные блоки могут предварять отдельные положения статьи и целые разделы, т.е. занимать инициальную позицию в

пределах статьи. Они могут помещаться и в финальной части различных структурно-содержательных блоков юридического документа, — разделов, статей и проч. Наконец они могут занимать и промежуточную позицию в соответствующих статьях, разделах и пунктах, когда последние требуют определенных пояснений.

Автономные интерпретационные блоки, т.е. такие, в которых не ставится иных прагматических задач, кроме задачи толкования, иногда отличаются значительным объемом (50–80 предложений). В этом случае, как правило, они достаточно структурированы, что облегчает процесс декодирования заложенной в них информации. Так, статья под названием «Интерпретация законодательных актов» (Interpretation of legislation) «Закона о правах человека в Великобритании» (Human Rights Act, 1998) состоит из двух пунктов — 1 и 2. Пункт 2, в свою очередь, распадается на три подпункта, помеченных буквенными символами — (a), (b), (c).

В интерпретационные блоки, помимо дефиниционных (или дефинитных) частей, входят также кваздефинитные положения: это ссылочные статьи, различные оговорки (*reservations*). Сюда же относятся и положения, которые закрепляют за конечным интерпретатором определенную свободу выбора, т.е. дискрецию соответствующих судебных и исполнительных органов.

Остановимся подробнее на ключевых составляющих информационно-интерпретационных блоков в текстах МНПА, — дефинициях.

Как ранее отмечалось, наряду с нормо-содержащими блоками в тексте МНПА имеются дефиниционные разделы. Часто это дефиниционные фрагменты, которые сопровождают нормативные положения, хотя во многих случаях в МНПА дефиниционные элементы выделяются в отдельные статьи. Но не только отдельные статьи, но и целые главы, части (разделы и подразделы) могут иметь сугубо дефиниционный характер. Так, вся глава 1 «Конвенции по защите прав трудовых мигрантов и членов их семей» (International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families, 2001) посвящена определению и использованию терминов.

Вторая статья этой главы имеет заголовок «Определения» — Article 2 — Definitions. В этой статье объясняются такие термины, как «migrant worker», «frontier worker», «seafarer», «worker on an offshore installation», «seasonal worker». Например:

Article 2

For the purposes of the present Convention:

1. The term «migrant worker» refers to a person who is to be engaged, is engaged or has been engaged in a remunerated activity in a State of which he or she is not a national.

2. (a) The term «frontier worker» refers to a migrant worker who retains his or her habitual residence in a neighbouring State to which he or she normally returns every day or at least once a week;

(b) The term «seasonal worker» refers to a migrant worker whose work by its character is dependent on seasonal conditions and is performed only during part

of the year [Conv. on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of their Families, 2001: 3].

Таким образом, дефиниция является минитекстом в рамках текста, который можно назвать макротекстом, и составной частью медиатекста, т.е. соответствующей интерпретационной статьи или интерпретационной части. Подчеркнем ещё раз, что в некоторых случаях дефиниции составляют целый блок и выделяются в отдельные интерпретационные статьи МНПА, полностью посвященные толкованию.

Несмотря на общую жесткость текста МНПА, в структурно-композиционном плане в нем допускаются различные варианты представления дефиниционных фрагментов. Так, дефиниционные части не всегда занимают препозицию, т.е. предшествуют собственно правовым положениям. Они могут занимать постпозицию, т.е. следовать за теми нормативными положениями, в которых должны внести ясность и определенность.

Наши наблюдения показали, что в МНПА дефиниционные части преимущественно даются в препозиции по отношению к положениям, которые они призваны разъяснить, уточнить и проч. Это соотношение препозиционных и постпозиционных элементов дефиниционных блоков в среднем составляет 2,5:1. Это свидетельствует о том, что адресант старается заранее сориентировать адресата, подготавливая его к правильному, с точки зрения отправителя, восприятию последующих положений, максимально облегчая для адресата этот процесс.

Литература

1. Абрамов В. А. Герменевтика, интерпретация, текст // *Studia Linguistica* 2. — С.Пб., 1996. — С. 114–119.
2. Алексеев С. С. Общая теория права : курс. В 2 т. Т. 2 / С. С. Алексеев. — М., 1982.
3. Валгина Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. — М. : Логос, 2004. — 280 с.
4. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания // *Вопросы языкознания*. — 1983. — № 6. — С. 34–47.
5. Долинин К. А. Интерпретация текста / К. А. Долинин. — М. : Просвещение, 1985. — 288 с.
6. Кожина М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. — М. : Просвещение, 1977. — 223 с.
7. Колегаева И. М. Текст как единица научной и художественной коммуникации / И. М. Колегаева. — О. : Ред.-изд. отд. обл. упр. по печати, 1991. — 121 с.
8. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. — М. : Просвещение, 1988. — 327 с.
9. Лёзов С. В. Юридические понятия и язык права / С. В. Лёзов. — С.Пб., 1986. — 268 с.
10. Мизецкая В. Я. Композиционно-речевая организация драматургического текста : на материале англоязычных пьес XVI–XX вв. : дис. ... д-ра филол. наук / В. Я. Мизецкая. — О., 1992. — 501 с.
11. Омельченко О. А. Римское право : учебник / О. А. Омельченко. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : ТОН — Остожье, 2000 — 208 с.
12. Хайд Ч. Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. Т. 1–5 / Ч. Ч. Хайд ; под ред. В. Н. Дурденевского и С. Б. Крылова. — М., 1950–1953.
13. *Oxford Dictionary of Law*. — Oxford. N.Y. : Oxford Univ. Press, 1997. — 515 p.
14. *Draft Opinion on the Constitutional Situation in Ukraine*. Council of Europe. Venice Commission 2010.
15. *Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of their Families*, 2001.

Аннотация

Юлинецкая Ю. В. Интерпретационный потенциал как дифференциальный признак международного нормативно-правового акта. — Статья.

Статья посвящена изучению интерпретационной составляющей, которая в текстах НПА имеет четкую вербальную экспликацию. Целью исследования было выявление в различных международных нормативных актах соотношения между регулятивными и интерпретационными частями. Материалом для анализа были выбраны международные конвенции, заключения, в которых интерпретационные блоки играют значительную роль.

Ключевые слова: интерпретационная составляющая, международный нормативно-правовой акт, вербальная экспликация, регулятивная часть, интерпретационная часть.

Анотація

Юлінецька Ю. В. Інтерпретаційний потенціал як диференціальна ознака міжнародного нормативно-правового акта. — Стаття.

Стаття присвячена вивченню інтерпретаційної складової, яка у текстах НПА має чітку вербальну експлікацію. Метою дослідження було виявлення у різних міжнародних нормативних актах співвідношення між регулятивними та інтерпретаційними частинами. Матеріалом для аналізу було обрано міжнародні конвенції, висновки, в яких інтерпретаційні блоки відіграють значну роль.

Ключові слова: інтерпретаційна складова, міжнародний нормативно-правовий акт, вербальна експлікація, регулятивна частина, інтерпретаційна частина.

Summary

Yulinetska Y. Interpretative Potential As a Differential Feature of the International Normative Act. — Article.

The article deals with the linguistic analysis of the interpretative component in international normative acts, its particular importance and clear verbal explication. The work aimed at studying the correlation between informative and regulative parts in various international conventions. Several normative acts served as the material. The analysis showed that interpretative blocks play a great role in international conventions and draft opinions.

Key words: interpretative component, international normative act, verbal explication, informative part, regulative part.

УДК 341.4:343.1

Н. В. Дрёмина-Волок

УСТАНОВЛЕНИЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ КАК МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВА

Понятие «юрисдикция государства» является категорией как национально-го, так и международного права. Оно издавна привлекает к себе внимание юристов-международников. Теории уголовной юрисдикции, ставшие доктринальным основанием современных концепций, разрабатывались, в частности, известными учеными XIX столетия — Грольманом, Фон-Модем, Бульмерингом, Гамакером, А.-В. Гефтером, Ф. Листом, Ф. Ф. Мартенсом, Э. К. Симсоном, Н. М. Коркуновым, Н. А. Захаровым, Л. А. Камаровским.

Большой вклад в изучение международно-правовых аспектов уголовной